

families of the Late Republic and the Principate (Antonii, Claudii Nero, Domitii Ahenobarbi, Galerii, Valerii Messallae, Cornelii Sullae, Rubellii, Octavii Laenasi, Junii, etc.), client rulers of the vassal and incorporated states into the Roman Empire of the Mediterranean Hellenistic and after-Hellenistic periods (Polemonid dynasty of the Pontus, Bosphorus, Greater Armenia, Lesser Armenia, Olba (Cilicia Trachea), the Ptolemies of Egypt, Masinissid dynasty of Mauretania, Sapey dynasty of Thrace, Sampsiceramid dynasty of Emesa, Hairanid dynasty of Palmyra, family of Pythodoros). The research is based on the analysis of the ancient sources containing the prosopographical information. In particular, in addition to narrative material the epigraphic and numismatic sources (Latin and Greek inscriptions of the city of Rome, provinces of the Roman Empire, Eastern States; Roman and provincial coins) are highlighted. A study of this kind in the domestic investigations has been carried out for the first time.

Key words: The Roman Empire, Mark Antony, Principate, Julio–Claudian dynasty, client kings (*amici populi Romani*), genealogy, epigraphy, numismatics

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2016), 136–149
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2016), 136–149
© Автор(ы) 2016

АВГУСТ И ПАРФЯНСКИЕ ЗАЛОЖНИКИ В РИМЕ

А.Р. Панов

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород,
panov_alexandr@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируются сведения источников об отправке парфянским царем Фраатом IV своих сыновей в Рим в конце I в. до н.э. Основное внимание уделяется двум проблемам, связанным с этим событием. Во-первых, относительно мотивации Фраата IV античные авторы приводят различные объяснения: желание закрепить дружественные отношения с Римом (так представляет дело сам Август) или угроза оппозиции со стороны наследников и желание обезопасить себя от их возможных выступлений. Последняя интерпретация выглядит убедительней, поскольку подтверждается свидетельствами Страбона, Иосифа Флавия и Тацита, данные которых более надежны и менее субъективны, чем самовосхваления Августа и сведения поздних авторов (Светоний, Юстин, Орозий). Во-вторых, статус парфянских царевичей определяется в большинстве источников как «заложники», с чем можно согласиться, учитывая достаточно широкое употребление этого понятия в римской внешнеполитической практике. По мнению автора, имеющиеся данные источников позволяют полагать, что Фраат удалил наследников по собственной инициативе, для решения внутренних проблем – а именно, чтобы обезопасить себя против властных устремлений сыновей. Август же использовал парфянских царевичей

Панов Александр Ростиславович – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. E-mail: panov_alexandr@mail.ru

в собственных интересах, объяснив намерения Фраата как желание закрепить дружбу с императором. Тем самым, данный исторический эпизод показателен как пример различия в восприятии одного и того же события разными сторонами: то, что парфянский царь оценивал как обеспечение прочности своего режима, Август преподнес согражданам как символ признания парфянами превосходства Рима.

Key words: Emperor Augustus, Phraates IV, Roman–Parthian relations

Одним из наиболее значимых событий в истории римско-парфянских отношений периода принципата Августа, наряду с заключением договора 20 г. до н.э., стала отправка парфянским царем Фраатом IV членов своей семьи в Рим. Данное решение и его последствия сразу стали восприниматься римлянами как определяющие для оценки статуса Парфии в системе внешнеполитических связей Римской империи, и важность этого события демонстрируется уже тем, что император счел нужным упомянуть о нем в перечне своих деяний и его словам вторят как современные, так и более поздние историки.

Автор «*Res Gestae Divi Augustae*» отзывается об этом следующим образом: «Ко мне парфянский царь Фраат, сын Орода, всех своих сыновей и внуков послал в Италию не потому, что был побежден в войне, но добиваясь нашей дружбы залогом своих детей (*ad me rex Parthorum Phrates Orodus filius filios suos nepotesque omnes misit in Italiam non bello superatus, sed amicitiam nostram per liberorum suorum pignora petens*)» (32, 2). Ключевым понятием в приведенном пассаже является «дружба», стремление к которой и подается в качестве мотивировки Фраата IV. Для римлян «дружба», как правило фиксировавшаяся в виде формального договора, была стандартной формой урегулирования отношений с другими государствами, и общей тенденцией по мере успешного развития экспансии было понижения статуса «друзей», так что *amicitia* в изначальном смысле как результат невраждебных связей уже во II в. до н.э. превращается в эвфемизм клиентелы¹. Тем самым с римской точки зрения парфяне, обращавшиеся с просьбами о дружбе с Римом, в полной мере выражали этим свое подчиненное положение. Примечательно, что Август трижды говорит о таких парфянских обращениях, причем в каждом случае используемые формулировки не допускают иного понимания, кроме как заискивание парфян перед римлянами. Кроме эпизода с детьми и внуками Фраата IV, в «Деяниях божественного Августа» говорится о договоре, по которому парфяне вернули военное снаряжение и значки римских войск (29, 2), а также приводится перечень правителей, обращавшихся к императору, среди которых фигурирует и парфянский царь (32, 1), и оба раза парфяне обозначены как «умоляющие (*supplices*)» римлян.

Безусловно, Август, признаваемый современными исследователями в качестве мастера политической пропаганды, сумевшего, насколько это было возможно, сгладить противоречия между монархическими основами нового государственного строя и сохранившейся в общественном сознании ориентации на традиционные республиканские ценности, большое значение придавал и прославлению своих внешнеполитических побед: его пропаганда, использовавшая различные средства (монетные типы, поэтические образы, триумфальные процессии и т.п.)

¹ Кашеев 1993, 227–228.

была нацелена на возвеличивание военных успехов². Для населения Рима успешность во внешнеполитической сфере была одним из важнейших показателей могущества и процветания империи, и Август и его преемники должны были соответствовать общественным ожиданиям, военными и дипломатическими путями расширяя римское влияние. В публичном восприятии политика Августа должна была выглядеть динамичной и успешной, и упор на репутацию был неуклонен³.

При этом умелая пропаганда была способна не только приукрасить действительные достижения, но и создать их видимость в случае нехватки реальных оснований для празднования побед. Манипулируя образами тех или иных внешнеполитических событий, принцепсы создавали себе ореол выдающихся полководцев и дипломатов, что далеко не всегда являлось отражением действительности. Одним из примеров подобного несоответствия можно считать поведение Нерона в ходе римско-армянского конфликта: бесславное завершение военной кампании и признание парфянского царевича Тиридата в качестве царя Великой Армении тем не менее были преподнесены римскому населению как грандиозная победа, основанием для чего стал шумно разрекламированный визит Тиридата в Рим, где император увенчал его диадемой⁴.

Хотя, в отличие от Нерона, Август имел на своем счету бесспорные победы, он широко прибегал к своеобразному мифотворчеству, внедряя в умы римлян нужные ему образы и идеи, так что пропаганда нередко значила больше, чем материальные достижения⁵. Есть основания утверждать, что основной целью Августа применительно к внешнеполитической сфере было создание в массовом сознании иллюзию покорения всего обитаемого мира, который для римлян совпадал со Средиземноморьем⁶, и роль символов в вопросе преодоления разрыва между претензиями на мировое господство и действительностью была особенно велика⁷.

Значение Парфии в создаваемой Августом картине *orbis terrarum* под властью Рима было первостепенно с учетом того, что предшествующие попытки покорения парфян не увенчались успехом: походы Красса и М. Антония оказались провальными, а грандиозный парфянский поход Цезаря не был осуществлен. Очевидно, что в этих условиях Август сделал осознанную ставку на дипломатические усилия, которые оказались вполне эффективны, и их плоды были дополнены пропагандистскими мерами. По мнению В.Н. Парфенова, для убеждения, что весь мир и без парфянской войны склонился перед римской властью, Август провел вместо войны долговременную кампанию по дезинформации, заключительным аккордом которой и стало соглашение 20 г. до н.э.⁸ К этому можно лишь добавить, что и после 20 г. до н.э. император продолжал прибегать к подобным мерам, примером чего является анализируемый эпизод. В понимании Августа передача Фратом его детей и внуков была формой залога для подкрепления дружбы с Римом, и поскольку ответной меры с римской стороны ожидать не приходилось, то тем самым парфянский царь добровольно признавал свое прижатое положение.

² Gruen 1996, 188–190.

³ Gruen 1996, 196–197.

⁴ Подробнее см.: Панов 2008, 282–285.

⁵ Gruen 1996, 174.

⁶ Парфенов 2001, 48; Nicolet 1991, 111.

⁷ Sommer 2014, 147–148.

⁸ Парфенов 1997, 83.

Используемая Августом словесная форма позволяет предположить, что он изображал полученных парфян как своеобразный залог римско-парфянского соглашения. К примеру, в подобном же значении слово «*pignus*» неоднократно использует современник Августа Ливий: Клелия как залог мира (*pignus pacis*) (II, 13, 9), римские всадники – заложники мира (*pignora pacis*) с самнитами (IX, 15, 7), заложники, собранные Ганнибалом со всей Испании (XXII, 22, 4–5), галлы-бойи, служившие залогом будущего мира (*pacis futurae pignus*) (XXXVI, 40, 3), предложение Антиоху дать заложников для закрепления договора (XXXVII, 45, 16), Деметрий, отправленный в Рим и являвшийся залогом мира (*pacis pignus*) (XL, 15, 8). Особо стоит выделить эпизод встречи римского посла Квинта Марция с македонским царем Персеем: последний предоставил заложников, причем, по словам Ливия, «заложников потребовали не столько ради обеспечения безопасности, сколько с целью показать..., что встреча царя с послами происходит далеко не на равных» (XLII, 39, 7). Таким образом, для римских авторов естественнее всего было связывать заложников с заключением договора, причем уже в период средней Республики это условие становится односторонним применительно к римским контрагентам, что должно было подчеркивать превосходство Рима. Возвращаясь к римско-парфянским отношениям, нельзя не отметить, что Август сам признает, что Фраат не был принужден к выдаче членов своей семьи поражением, и, очевидно, имелся определенный временной разрыв между выдачей парфянским царем военных знаков и передачей его сыновей римлянам.

Основным датировочным указателем последнего события является ссылка Страбона на наместника Сирия М. Тития, который и принимал парфян. К сожалению, точные временные рамки пребывания Тития в Сирии не установлены, что и породило дискуссионность в этом вопросе. Более традиционная дата – рубеж предпоследнего и последнего десятилетий I в. до н.э., а именно 10 г. до н.э.⁹ С другой стороны, высказываются предположения, что наместничество Тития продолжалось долго, возможно будучи двойным, и ряд историков склонны помещать передачу парфянских царевичей римлянам на более раннее время, ближе к 20 г. до н.э.,¹⁰ хотя и при этом мало кто сомневается в том, что соглашение, сопровождавшееся возвращением знамен и пленников, и распоряжение Фраата членами своей семьи – разновременные события. Сопоставляя точки зрения, можно заметить, что ранняя датировка в меньшей степени основывается на известных фактах и потому более уязвима¹¹.

С учетом того, что переговоры между императором и парфянским царем на тему урегулирования отношений велись несколько лет, пункт о выдаче заложни-

⁹ Debevoise 1938, 143; Головкин 1962, 126; Бокщанин 1966, 164; Schippmann 1980, 47; Gruen 1996, 160. Более позднюю дату (8 г. до н.э.) предложил Т. Моммзен (Mommsen 1865, 94), но его точка зрения не получила поддержки.

¹⁰ Две специальные работы, посвященные вопросу о времени пребывания М. Тития в Сирии, появились почти одновременно, в 30-е гг.: Т. Корбишли предполагает, что на встрече с Фраатом М. Титий мог выступать как заместитель Агриппы и это произошло как можно раньше, ближе к 20 г. до н.э. (Corbishley 1934, 48–49); по мнению Л. Росс Тейлор, Титий действовал самостоятельно, в роли наместника Сирии, но тоже в 20–19 гг. до н.э., вскоре после римско-парфянского соглашения (Ross Taylor 1936, 171–172). Аналогичным образом к датировке встречи Фраата с Титием подходит и Ч.Б. Роуз (Rose 2005, 37).

¹¹ Подробнее см.: Панов 2015, 105–108.

ков как условия достижения соглашения был бы выполнен в момент оформления договора, однако этого не произошло, что делает связь между этими событиями отнюдь не очевидной. Более того, известно, что еще ранее в руках у Августа находился парфянский царевич, один из сыновей Фраата, – его увез с собой Тиридат, организовавший выступление в Парфии, а затем бежавший к римлянам (Dio Cass. LI, 18, 3). Фраат обратился к императору с просьбой вернуть сына, что и было сделано, причем Август отправил царевича домой с условием, что «пленники и военные знамена будут возвращены» (Dio Cass. LIII, 33, 1). При таком раскладе событий было бы весьма странно, что римляне сначала отпускают заложника в обмен на заключение договора и затем требуют новых, чтобы его закрепить. Тем самым, объективно нет оснований воспринимать детей Фраата IV как обеспечение действительности договора.

Еще один современник событий, Страбон, дважды упоминает о Фраате, и даваемые им оценки произошедшего несколько отличаются друг от друга¹². Сначала, в контексте рассуждений о владычестве римлян над другими народами, автор «Географии» пишет, что парфяне настолько склонились перед превосходством римлян, что не только отослали в Рим трофеи, некогда поставленные ими в знак победы над римлянами, но «Фраат вверил Августу Цезарю детей и детей детей, почтительно обеспечив выдачей заложников дружбу с Августом (καὶ παῖδας ἐπίστευσε Φραάτης τῷ Σεβαστῷ Καίσαρι καὶ παίδων παῖδας ἐξομηρευσάμενος θεραπευτικῶς τὴν φιλίαν)» (VI, 4, 2). Данный фрагмент напоминает кальку с уже цитировавшегося места из автобиографической надписи Августа – настолько близки они друг к другу по стилю.

Однако ниже, в разделе, посвященном восточным землям, Страбон приводит более подробные и более оригинальные сведения (XVI, 1, 28). Здесь он также пишет о стремлении Фраата к дружбе с Августом, но привязывает это только к одному факту – возвращению трофеев, т.е. речь идет о договоре 20 г. до н.э. Далее следует описание передачи детей и внуков Фраата: «Пригласив для переговоров тогдашнего префекта Сирии Тития, Фраат выдал ему в качестве заложников (ὄμηρα) четырех своих законных сыновей: Сераспадана, Родаспа, Фраата и Вонона с двумя женами и четырьмя их сыновьями; [сделал он это] из страха возмущения и покушений. Парфянский царь понимал, что никто самостоятельно не сможет успешно бороться с ним без помощи кого-нибудь из рода Аршакидов, так как парфяне исключительно преданы этому роду. Поэтому, удалив своих сыновей, он стремился отнять эту надежду у людей, злоумышлявших против него». В данном фрагменте акценты значительно смещены и побудительным фактором выступает не стремление Фраата находиться в дружбе с императором, а желание обезопасить себя от внутренних усобиц.

Очевидно, что первый пассаж Страбона, если и не прямо скопирован с надписи Августа, является отражением той версии событий, которую императорская пропаганда стремилась закрепить в качестве официальной. С уверенностью можно сказать, что это более поздняя вставка, поскольку в заключительной фразе в качестве правящего императора представлен Тиберий. Общая канва рассуждений Страбона целиком согласуется с содержанием внешнеполитического раздела

¹² На это уже обращалось внимание в исследовательской литературе: Drijvers 1998, 289.

«Деяний божественного Августа»: оба текста излучают уверенность, что власти римлян подчинен практически весь обитаемый мир, так что есть основания именовать Страбона «теоретиком социально-политической идеи мирового господства римлян»¹³. Поэтому в данном случае оценки автора «Географии» можно считать во многом идеологизированными. С другой стороны, второе описание более детализировано и тематически располагается в нужном месте в соответствии с общей структурой работы Страбона, который, надо полагать, опирается здесь на иные источники. Тем самым в выборе между двумя представленными изложениями событий именно второму нужно отдать предпочтение как более надежному и менее зависимому от наслоений августовской пропаганды.

Наконец, еще один современник Августа Веллей Патеркул приводит собственную версию. Рассказывая о пребывании на Востоке Тиберия, он добавляет: «Парфянский царь, напуганный славой столь великого имени, отдал своих детей заложниками Цезарю (*rex quaque Parthorum tanti nominis fama territus liberos suos ad Caesarem misit obsides*)» (II, 94, 4). Известно, что с парфянскими делами Веллей Патеркул был знаком не понаслышке, поскольку в свое время он сопровождал на Восток Гая Цезаря и даже являлся свидетелем его встречи с сыном Фраата IV – Фраатаком (II, 101, 1–2), но его объяснение причин действий Фраата едва ли можно принять. В данном случае римский историк смешивает два разновременных события – участие Тиберия в урегулировании римско-парфянских отношений в 20 г. до н.э. и передачу Фраатом членов своей семьи римлянам позднее, к чему пасынок Августа не мог быть причастен. Более того, даже применительно к событиям 20 г. до н.э. вряд ли можно говорить о том, что слава имени Тиберия имела решающее значение в ходе заключения договора с парфянами: бесспорно, что Тиберий выполнял указания Августа.

Очевидная натяжка в сочинении Веллея Патеркула вполне объяснима: последние главы «Римской истории», посвященные Тиберию, имеют явно панегирический тон изложения¹⁴ и пронизаны исключительно теплым отношением к императору, которым автор откровенно восторгается. Говоря о деяниях Тиберия в качестве будущего преемника Августа, Веллей не скупится на похвалы ему и даже называет его дела божественными (II, 94, 3). Поэтому, проводя связь между заключением римско-парфянского договора и передачей парфянских царевичей в руки римлян, Веллей Патеркул, видимо, желал польстить Тиберию путем возвеличивания его внешнеполитических заслуг.

Все остальные дошедшие до нас литературные источники по анализируемому эпизоду относятся к более позднему времени, однако они отнюдь не ограничиваются сведениями, имеющимися у Августа и Страбона. Тацит в своем обозрении римско-парфянских отношений до Тиберия указывает, что Фраат «оказывал Августу всяческое почтение и ради укрепления дружбы отослал к нему часть своего потомства не столько из страха пред нами, сколько из недоверия к своим соплеменникам» (Ann., II, 1). Как видим, Тацит опирается на обе известные уже до него трактовки, но больше склоняется к тому, что Фраатом двигало недоверие к окружению – то есть он опасался предательства своих родных. Статус переданных Августу парфян римский историк никак не обозначает – в тексте ис-

¹³ Грацианская 1988, 16.

¹⁴ Немировский 1995, 249.

пользуется нейтральный глагол «отослал (*miserat*)». Вообще на фоне бодрых и самоуверенных реляций Августа суждения Тацита о статусе парфян в контексте их взаимоотношений с Римом имеют более взвешенный и осторожный характер. Если для Августа парфяне выступают лишь в качестве обращающихся за той или иной римской милостью (заключение дружбы, утверждение нового царя), то у Тацита парфянские послы – кто угодно, но не просители¹⁵.

Оригинальная информация содержится у Иосифа Флавия, который также делает упор на внутривосточный фактор, но с добавлением деталей, неизвестных по работам Страбона и Тацита. Иудейский историк рассказывает об италийской рабыне Тее Музе, которая была подарена Августом Фраату, и видит ее происки в судьбе сыновей и внуков парфянского царя. По словам Иосифа Флавия, Муза «достигла огромного влияния на царя и задумала приложить все старания, чтобы укрепить за своим сыном престол парфянский. Впрочем, она увидела, что достигнет этого не иначе, как если коварным образом избавиться от законных детей Фраата. Тогда она стала уговаривать последнего отправить законных детей в Рим в заложничество (ἐφ' ὀμηρείᾳ). Так оно и было сделано» (*Ant.* XVIII, 2, 4). Версия Иосифа Флавия не противоречит сведениям Страбона и Тацита, а дополняет их и делает еще более правдоподобными: в свете последующих событий, когда Фраат был отравлен и его преемником стал младший сын Фраата, женившийся на своей матери – Музе, подобный расклад выглядит вполне логично, так как именно эта бывшая рабыня, вознесшаяся до статуса царицы, получила наибольшие выгоды от отправки конкурентов ее сына в Рим¹⁶.

Светоний упоминает о парфянских заложниках дважды. Сначала он кратко отзывается о Парфии при Августе и перечисляет факты, которые должны были свидетельствовать о подчиненном ее положении: уступка Армении, возвращение знамен, избрание царем того, кого одобрил Август, и предложенные заложники (*obsides optulerunt*) (*Aug.* 21, 3). Далее в главах, посвященных зрелищам, Светоний сообщает любопытную подробность: Август сразу по прибытии парфянских заложников (*obsides*) привлек их на зрелища и, «проведя через арену, посадил во втором ряду над собой» (*Aug.* 43, 4).

Сведения Юстина очень сжаты; он пишет о возвращении знамен, после чего добавляет – «кроме того, Августу были даны в качестве заложников (*obsides*) сыновья и внуки Фраата. Таким образом, Цезарь одним величием имени своего добился большего, чем любой другой полководец смог добиться оружием» (*XLII*, 5, 12). Схожая информация содержится и у Орозия: по его словам, парфяне «отослали к Цезарю знаки, которые они захватили, разгромив Красса, и, передав царственных заложников, искренним изъявлением покорности обрели прочный договор (*obsidibus traditis firmum foedus fidei supplicatione meruerunt*)» (*VI*, 21, 29). Наконец, Евтропий отмечает, что персы (т.е. парфяне) дали Августу «заложников (*obsides*), чего раньше никогда не было» (*VII*, 9).

Обозревая все указанные источники, можно выделить две основные проблемы, связанные с интерпретацией исторических данных. Первый вопрос состоит в выяснении причин поступка Фраата IV, распорядившегося подобным образом своими сыновьями и внуками. Античные авторы выделяют два фактора, которые

¹⁵ Gowing 1990, 317.

¹⁶ Gregoratti 2012, 185.

условно можно обозначить как внешне- и внутривосточный. Внешневосточное влияние могло исходить только от Рима, и, соответственно, ряд наших источников склонен все объяснять величием императора и желанием Фраата закрепить дружбу с ним – при этом разбираемые события воспринимаются как следствие заключенного ранее соглашения. Эта трактовка исходит, очевидно, от самого Августа, так что она приобретает характер «официальной» версии событий, и ее распространенность вполне объяснима (Веллей Патеркул, одно из мест у Страбона, Светоний, Юстин, Орозий). Внутривосточный фактор состоял в наличии в Парфии постоянной междоусобной борьбы, наиболее активное участие в которой принимали, естественно, члены царской семьи, поэтому Фраат решился на выдачу своих детей римлянам, чтобы обезопасить себя, причем на это решение способна была повлиять его жена Муза, имевшая собственные интересы¹⁷. Подобной точки зрения придерживаются Страбон, Иосиф Флавий и Тацит.

Заинтересованность Августа представить рассматриваемый эпизод в наиболее выгодном для себя свете очевидна – поскольку прибытие парфян в Рим действительно имело место, то не составляло особого труда внедрить идею о том, что это стало следствием сложившихся взаимоотношений императора с парфянским царем, который выражал подобным образом свою покорность. Август использовал парфян для того, чтобы продемонстрировать всем свой авторитет, признаваемый и за пределами Римской империи, – не случайно он не упустил возможности появиться с Аршакидами на публике, о чем сообщает Светоний. Безусловно, римлянам в свете не столь давних поражений римских войск от парфян такие символы могущества императора и империи должны были быть по нраву.

С другой стороны, сведения Страбона, Тацита и Иосифа Флавия менее субъективны и потому в большей степени заслуживают доверия. Особое внимание нужно уделить позиции Страбона, который, хотя и отдал должное величии Августа и Рима, пишет, что Фраат передал своих детей и внуков из-за страха покушений на свою власть. Нужно заметить, что работа Страбона по хронологии является одним из самых ранних источников, а вполне возможно, что интересующая нас заметка была сделана еще до публичного размещения автобиографической надписи Августа, и в таком случае Страбону принадлежит первенство в изложении произошедших событий. Помимо этого, информация Страбона и Иосифа Флавия наиболее подробна, и с учетом ее внешнего правдоподобия именно ее следует предпочесть.

Внутренняя неустойчивость режима Фраата IV подтверждается ходом предыдущих и последующих событий: в конце 30-х – 20-е гг. I в. до н.э. ему пришлось выдержать борьбу с вышеназванным Тиридатом, затем его соперником выступил

¹⁷ Оригинальную идею предложил Э. Даброва: он полагает, что поскольку Муза готова была устранить соперников своего сына любой ценой, то Фраат IV передал своих наследников под заботу римлян в страхе за их жизнь (Dabrowa 2013, 58). Разумеется, полностью исключить такую вероятность невозможно, однако все же маловероятно, чтобы Тея Муза достигла такого могущества, что сам царь опасался ее и не видел иного пути спасти старших сыновей от ее гнева, как отправить их подальше. Более правдоподобной все же кажется ситуация, при которой Муза разожгла в царю подозрения в отношении наследников и всячески их поддерживала, что и повлекло за собой царское решение.

некий Митридат¹⁸ (Jos. Ant. XVI, 8, 4), а во 2 г. до н.э. Тея Муза убила своего супруга, чтобы освободить трон для сына – Фраата V (Фраатака) (Jos. Ant. XVIII, 2, 4). На фоне того, что и сам Фраат IV стал царем, организовав убийство отца – Орода II, а также собственных братьев (Plut. Ant. 36; Just. XLII, 5, 3), его беспокойство по поводу сыновей вполне объяснимо. Вполне можно согласиться с А.Н. Шервин-Уайтом, по выражению которого Фраат IV боялся внутренней измены больше, чем мощи Рима¹⁹.

Очевидно, передача наследников была вызвана предчувствием династической оппозиции²⁰, и решение отправить их в Рим имело свои преимущества. Хотя римляне в лице парфянских царевичей приобретали действенное средство воздействия на внутривосточную ситуацию в Парфии вплоть до возможности организации вторжения во главе с представителем династии Аршакидов и установления марионеточного режима, Фраат имел основания полагаться на добросовестность Августа. Даже в 20-е гг. до н.э., когда римско-парфянские отношения были отягощены вопросом о последствиях поражений Красса и Антония, император не стал вмешиваться во внутреннюю борьбу в Парфии, отказав в поддержке Тиридату²¹ и вернув захваченного тем царского сына. После заключенного соглашения²² Фраат IV пошел на дальнейшее сближение с Римом, выказав Августу больше доверия, чем своим наследникам. Время показало, что ожидания парфянского царя оправдались: его сыновья оказались исключены из династической борьбы и их пребывание в Риме затянулось на продолжительное время. Известно, что Сераспадан и Родасп скончались в Риме (CIL. VI, 1799), а Вонон и Фраат были отправлены в Парфию соответственно Августом в 6 г. н.э. (Jos. Ant. XVIII, 2, 4; Tac. Ann. II, 2) и Тиберием в середине 30-х гг. (Tac. Ann. VI, 32).

Второй вопрос, неразрывно связанный с первым, – это корректность использования термина «заложники» по отношению к сыновьям Фраата. Исследователями уже неоднократно отмечалось, что в источниках понятия, переводимые как «заложник», используются весьма широко, применительно к различным обстоятельствам и условиям пребывания иностранцев на территории Рима²³. Поскольку бесспорно то, что Фраат IV передал своих детей римлянам абсолютно добровольно, современные авторы нередко выражают сомнения в том, что можно говорить о заложниках в данном случае²⁴. Очевидно, что родственники Фраата IV являлись заложниками в понимании римлян, но объективно смысл их пребывания в Риме заключался не только и не столько в закреплении договорных отношений

¹⁸ А.Р. Малькольм выдвигает предположение, что отправка сыновей Фраата в Рим могла быть связана с появлением Митридата (Малькольм 2004, 41), но прямую связь между этими событиями сложно выявить.

¹⁹ Sherwin-White 1983, 325.

²⁰ Romer 1979, 201.

²¹ Попытка привязать передачу царевичей к вопросу о Тиридате (т.е. Фраат IV опасался римской поддержки своего оппонента и потому пошел на уступки Августу – Nedergaard 1988, 111) представляется малоубедительной, поскольку Август ранее использовал угрозу военного вторжения, чем и добился выдачи значков: фактор же нахождения Тиридата на римской территории явно был менее значим.

²² Не исключено, что еще в 20 г. до н.э. Фраат получил от Августа заверения, что римляне не будут вмешиваться во внутренние дела Парфянского царства (Gruen 1993, 297).

²³ Braund 1984, 13; Allen 2006, 16.

²⁴ Rawlinson 1893, 223; Lee 1991, 367.

Римской империи с Парфией, как изображают римские авторы во главе с Августом. С одной стороны, в период Империи обычным явлением стало воспитание наследников зависимых от Рима государств в столице империи, где они получали соответствующее образование, воспитывались в духе верности римским интересам и заводили полезные знакомства, которые могли бы пригодиться им в будущем, – словом, римляне целенаправленно готовили лояльных внешнеполитических клиентов-правителей. Сыновей Фраата вполне можно сопоставить с такими воспитанниками²⁵: наши источники подтверждают, что усвоение римских нравов и привычек Аршакидами прошло весьма успешно²⁶, что неудивительно, принимая во внимание длительность их пребывания в Риме. С другой стороны, в какой-то мере передача царевичей римлянам напоминает высылку, изгнание²⁷: кроме того, что сыновья царя лишались тем самым возможности произвести переворот, их отсутствие вкупе с тем влиянием, какое способны были оказать на них римляне, могли осложнить им приобретение власти в будущем – и действительно, законность происхождения и римская поддержка обеспечили Вонону и Фраату царский титул, но среди соотечественников, ставших чуждыми им по образу жизни, их признание оказалось непрочным.

При всем при этом возможно, что Фраат IV сам желал представить своих наследников в виде заложников. Не вызывает сомнений, что в планы парфянского царя не входило самовольное возвращение его сыновей, поэтому ему было необходимо добиться ограничения их свободы действий, что и предполагалось статусом заложников. Хотя парфянским принцам и было обеспечено подобающее их высокому статусу отношение, вероятнее всего, они постоянно находились на виду и покидать пределы Италии²⁸ могли лишь с разрешения римлян. Поэтому, сообразно с римской внешнеполитической практикой, не будет большой натяжкой обозначать сыновей Фраата IV как заложников²⁹, но важно отметить, что они попали в Рим вне прямой связи с римско-парфянским соглашением и целью их отправки для Фраата IV было политическое устранение потенциальных претендентов на власть, а вовсе не желание войти в более тесную дружбу с Августом или выразить свою лояльность. Разбираемый эпизод не вполне типичен для традиций заложничества, поскольку сторона, предоставившая заложников, была заинтересована не столько в обеспечении их здоровья и жизни, сколько в их изоляции.

²⁵ Д. Браунд на примере парфян показывает, каким могло быть сходство между заложником и получающим образование (*student*) в Риме (Braund 1984, 12). Мнение, что сыновья Фраата прибыли для получения образования, высказывается и в других работах (Frye 1983, 236; Southern 1998, 127).

²⁶ Парфяне, получившие по их же просьбе Вонона в качестве царя, довольно быстро разочаровались в нем, причем Тацит объясняет это тем, что сын Фраата IV стал чужд обычаям предков и его добродетели казались пороками (Тас. *Ann.* II, 2). Подобным же образом неудача постигла и последнего из сыновей Фраата IV – Фраата: по словам того же Тацита, царевич, «сменив в Сирии образ жизни, усвоенный за долгие годы пребывания в Риме, на непривычный парфянский уклад, заболел и умер» (Тас. *Ann.* VI, 32).

²⁷ Такое допущение, хотя и в осторожной форме, присутствует в работе Дж. Аллена (Allen 2006, 146–147).

²⁸ Известна еще одна надпись из Неми в Лации, где упоминается Фраат, сын парфянского царя (CIL. XIV, 2216).

²⁹ Э. Нидергард приходит к заключению, что их публичное представление и ограничение свободы передвижения позволяют считать их заложниками в полном смысле слова (Nedergaard 1988, 109).

В целом имеющиеся данные источников позволяют полагать, что Фраат удалил своих наследников по собственной инициативе, для решения внутренних проблем – а именно, чтобы обезопасить себя против властных устремлений сыновей. При этом выбор адресата его обращения был осознанным – предшествующие контакты и определенная стабилизация римско-парфянских взаимоотношений после соглашения 20 г. до н.э. должны были убедить царя, что у римлян достаточно благоразумия, чтобы не вмешиваться во внутренние дела Парфии. Август же использовал парфянских царевичей в собственных интересах, представив их римской публике как заложников (что выглядело вполне правдоподобно), а намерения Фраата объяснив как желание закрепить дружбу с императором (что вряд ли соответствовало действительному настрою царя). Тем самым, данный эпизод показателен как пример различия в восприятии одного и того же события разными сторонами: то, что Фраат оценивал как обеспечение прочности своего режима, Август преподнес римской общественности как очередной символ признания парфянами превосходства Рима.

ЛИТЕРАТУРА

- Бокщанин, А.Г. 1966: *Парфия и Рим*. Ч. 2. М.
- Головко, И.Д. 1962: Парфия и Рим во время принципата Августа. В сб.: П.О. Карышковский (отв. ред.), *Материалы по археологии Северного Причерноморья*. Вып. 4. Одесса, 121–132.
- Грацианская, Л.И. 1988: «География» Страбона. Проблемы источниковедения. В сб.: А.П. Новосельцев (отв. ред.), *Древнейшие государства на территории СССР. 1986*. М., 6–175.
- Кащеев, В.И. 1993: *Эллинистический мир и Рим: Война, мир и дипломатия в 220–146 годах до н.э.* М.
- Малькольм, А.Р. 2004: *Парфяне*. М.
- Немировский, А.И. 1995: Веллей Патеркул. В кн.: А.И. Немировский (сост.), *Малые римские историки*. М., 223–266.
- Панов, А.Р. 2008: Армянский царь Тиридат I: взаимоотношения с Римом и проблемы оформления его власти. *ПИФК* 21, 276–289.
- Панов, А.Р. 2015: Отправка сыновей Фраата IV в Рим: проблемы датировки. В сб.: А.Р. Панов (отв. ред.), *Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое и новейшее время*. Вып. 10. Арзамас, 101–111.
- Парфенов, В.Н. 1997: Signis receptis, или конец одной иллюзии. В сб.: Т.В. Кочеткова, Н.А. Демина, В.Н. Парфенов (ред.), *Античный мир и мы* 3. Саратов, 82–90.
- Парфенов, В.Н. 2001: *Император Цезарь Август: Армия. Война. Политика*. СПб.
- Allen, J. 2006: *Hostages and Hostage-Taking in the Roman Empire*. New York.
- Braund, D.C. 1984: *Rome and Friendly King: The Character of Client Kingship*. L.
- Corbishley, T. 1934: A Note on the Date of the Syrian Governorship of M. Titius. *JRS* 24, 43–49.
- Dabrowa, E. 2013: The Parthian Aristocracy: its social position and political activity. *Parthica*, 53–62.
- Debevoise, N.C. 1938: *A Political History of Parthia*. Chicago.
- Drijvers, J.W. 1998: Strabo on Parthia and the Parthians. In: J. Wiesehöfer (Hrsg.), *Das Partherreich und seine Zeugnisse*. Stuttgart, 279–294.
- Frye, R.N. 1983: *The History of Ancient Iran*. München.

- Gowing, A.M. 1990: Tacitus and the Client Kings. *TAPA* 120, 315–331.
- Gregoratti, L. 2012: Parthian Women in Flavius Josephus. In: M. Hirsghberger (Hrsg.), *Jüdisch-hellenistische Literatur in ihrem interkulturellen Kontext*. Frankfurt, 183–192.
- Gruen, E.S. 1996: The expansion of the Empire under Augustus. In: A.K. Bowman, E. Champlin, A. Lintott (eds.), *Cambridge Ancient History* 10. Cambridge, 147–197.
- Gruen, E.S. 1993: The Imperial Policy of Augustus. In: K.A. Raafaub, M. Toher, G.W. Bowersock (eds.), *Between Republic and Empire: Interpretations of Augustus and His Principate*. Berkeley–Los Angeles, 395–416.
- Lee, A.D. 1991: The Role of Hostages in Roman Diplomacy with Sasanian Persia. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. Bd. 40. H. 3, 366–374.
- Mommsen, Th. 1865: *Res gestae divi Augusti*. Berolini.
- Nedergaard, E. 1988: The Four Sons of Phraates IV in Rome. In: T. Fischer-Hansen (ed.), *Acta Hyperborea*. Vol. 1. *East and West: Cultural Relations in the Ancient World*. Copenhagen, 102–115.
- Nicolet, C. 1991: *Space, Geography and Politics in the Early Roman Empire*. Michigan.
- Rawlinson, R. 1893: *The Story of Parthia*. New York–L.
- Romer, F.E. 1979: Gaius Caesar's Military Diplomacy in the East. *TAPA* 109, 199–214.
- Rose, Ch.B. 2005: The Parthians in Augustan Rome. *American Journal of Archeology* 109/1, 21–75.
- Ross Taylor, L. 1936: M. Titius and the Syrian Command. *JRS* 26. Part 2, 161–173.
- Schippmann, K. 1980: *Grundzüge der parthischen Geschichte*. Darmstadt.
- Sherwin-White, A.N. 1983: *Roman foreign policy in the East 168 B.C. to A.D. 1*. Oklahoma.
- Sommer, S. 2014: Pax Augusta – Roms imperialer Imperativ und das Axiom der Welt Herrschaft. In: M. Horster, F. Schuller (Hrsg.), *Augustus. Herrscher an der Zeitenwende*. München, 144–155.
- Southern, P. 1998: *Augustus*. L.

REFERENCES

- Allen, J. 2006: *Hostages and Hostage-Taking in the Roman Empire*. New York.
- Bokshchanin, A.G. 1966: *Parfia i Rim* 2. Moscow.
- Braund, D.C. 1984: *Rome and Friendly King: The Character of Client Kingship*. L.
- Corbishley, T. 1934: A Note on the Date of the Syrian Governorship of M. Titius. *JRS* 24, 43–49.
- Dabrowa, E. 2013: The Parthian Aristocracy: its social position and political activity. *Parthica*, 53–62.
- Debevoise, N.C. 1938: *A Political History of Parthia*. Chicago.
- Drijvers, J.W. 1998: Strabo on Parthia and the Parthians. In: J. Wiesehöfer (Hrsg.), *Das Partherreich und seine Zeugnisse*. Stuttgart, 279–294.
- Frye, R.N. 1983: *The History of Ancient Iran*. München.
- Golovko, I.D. 1962: Parfia i Rim vo vremya printsipata Avgusta. In: P.O. Karyshkovskiy (ed.), *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya*. Odessa, 121–132.
- Gowing, A.M. 1990: Tacitus and the Client Kings. *TAPA* 120, 315–331.
- Gratsianskaya, L.I. 1988: «Geografiya» Strabona. Problemy istochnikovedeniya. In: A.P. Novosel'tsev (ed.), *Drevneyshie gosudarstva na territorii SSSR*. 1986. M., 6–175.
- Gregoratti, L. 2012: Parthian Women in Flavius Josephus. In: M. Hirsghberger (Hrsg.), *Jüdisch-hellenistische Literatur in ihrem interkulturellen Kontext*. Frankfurt, 183–192.
- Gruen, E.S. 1993: The Imperial Policy of Augustus. In: K.A. Raafaub, M. Toher, G.W. Bowersock (eds.), *Between Republic and Empire: Interpretations of Augustus and His Principate*. Berkeley–Los Angeles, 395–416.

- Gruen, E.S. 1996: The expansion of the Empire under Augustus. In: A.K. Bowman, E. Champlin, A. Lintott (eds.), *Cambridge Ancient History* 10. Cambridge, 147–197.
- Kashcheev, V.I. 1993: *Ellinisticheskiy mir i Rim: Voyna, mir i diplomatiya v 220–146 godakh do n.e.* M.
- Lee, A.D. 1991: The Role of Hostages in Roman Diplomacy with Sasanian Persia. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. Bd. 40. H. 3, 366–374.
- Mal'kol'm, A.R. 2004: *Parfyane*. Moscow.
- Mommsen, Th. 1865: *Res gestae divi Augusti*. Berolini.
- Nedergaard, E. 1988: The Four Sons of Phraates IV in Rome. In: T. Fischer-Hansen (ed.), *Acta Hyperborea*. Vol. 1. *East and West: Cultural Relations in the Ancient World*. Copenhagen, 102–115.
- Nemirovskiy, A.I. 1995: Velley Patercul. In: A.I. Nemirovskiy (ed.), *Malye rimskie istoriki*. M., 223–266.
- Nicolet, C. 1991: *Space, Geography and Politics in the Early Roman Empire*. Michigan.
- Panov, A.R. 2008: Armyanskiy tsar' Tiridat I: vzaimootnosheniya s Rimom i problemy oformleniya ego vlasti. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* 21, 276–289.
- Panov, A.R. 2015: Otpravka synovey Fraata IV v Rim: problemy datirovki. In: A.R. Panov (ed.), *Politicheskaya zhizn' Zapadnoy Evropy: antichnost', srednie veka, novoe i noveyshee vremya*. 10. Arzamas, 101–111.
- Parfenov, V.N. 1997: Signis receptis, ili konets odnoy illyuzii. In: T.V. Kochetkova, N.A. Demina, V.N. Parfenov (eds.), *Antichnyy mir i my* 3. Saratov, 82–90.
- Parfenov, V.N. 2001: *Imperator Tsezar' Avgust: Armiya. Voyna. Politika*. Saint-Petersburg.
- Rawlinson, R. 1893: *The Story of Parthia*. New York–L.
- Romer, F.E. 1979: Gaius Caesar's Military Diplomacy in the East. *TAPA* 109, 199–214.
- Rose, Ch.B. 2005: The Parthians in Augustan Rome. *American Journal of Archeology* 109/1, 21–75.
- Ross Taylor, L. 1936: M. Titius and the Syrian Command. *JRS* 26. Part 2, 161–173.
- Schippmann, K. 1980: *Grundzüge der parthischen Geschichte*. Darmstadt.
- Sherwin-White, A.N. 1983: *Roman foreign policy in the East 168 B.C. to A.D. 1*. Oklahoma.
- Sommer, S. 2014: Pax Augusta – Roms imperialer Imperativ und das Axiom der Weltherrschaft. In: M. Horster, F. Schuller (Hrsg.), *Augustus. Herrscher an der Zeitenwende*. München, 144–155.
- Southern, P. 1998: *Augustus*. L.

AUGUSTUS AND THE PARTHIAN HOSTAGES IN ROME

Alexsandr R. Panov

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Arzamas branch, Russia,
panov_alexandr@mail.ru

Abstract. The paper deals with the information of sources about sending by Parthian king Phraates IV of his sons to Rome at the end of the 1st century BC. It focuses on two issues related to the event. Firstly, as to Phraates' motives, the ancient authors offer different explanations: the desire to cement friendship with Rome (in this way Augustus outlined his version of this case) or the threat from the heirs and desire to protect himself from this possible danger. The latter interpretation seems more convincing, because it is confirmed by Strabo, Josephus and Tacitus, whose evidences are more reliable and less subjective than Augustus' self-laudation and information of late authors (Suetonius, Justin, Orosius). Secondly, the status of the Parthian princes is defined in most sources as "hostages" and that can be considered with the widespread view of

this concept in practice of Roman foreign policy. According to the author, the available sources of data suggest that Phraates send heirs away by his own will to resolve inner problems in self-defense. Augustus used Parthian princes for his own reason and explained Phraates' intention as desire to secure friendship with the Emperor. Thereby, this historical episode is significant as an example of various perceptions of the same event by different sides: the fact, assessing by Parthian king as strengthening of his regime, was presented by Augustus as a symbol of Parthian recognition of Rome's superiority.

Key words: Emperor Augustus, Phraates IV, Roman-Parthian relations

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2016), 149–152
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2016), 149–152
©Автор(ы) 2016

О КУЛЬТАХ ВОИНОВ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ВОЙСК В РИМСКОЙ БРИТАНИИ В I–III ВВ.

Н.И. Соловьянов

*Красноярский государственный педагогический университет, им. В.А. Астафьева,
Красноярск,
nikolai_solovyanov@mail.ru*

Аннотация. Посвящения воинов вспомогательных войск в римской Британии в I–III вв. были направлены только римским богам в образах императоров, божественных Августов, а также Юпитеру Наилучшему Высочайшему, Юноне Конкордия, богине-покровительнице Рима Роме, Сильвану и Фортуне как заздравным божествам, исключительно военным Гениям и штандартам (signa). Отсутствие посвящений местным богам говорит о слабых, а скорее всего, и весьма враждебных отношениях между римлянами и коренным кельтским населением Британии.

Ключевые слова: религия римской армии, ауксилиии, флот, римская Британия, римские культы

Первыми обитателями Британии, скорее всего, были кельтские племена бриттов, регинов, контиаков, думониев, белгов, триноватов, иценов, силуров, деметов, корновиев, ордовиков, коританов, бригантов, эпидиев, вотадинов, меатов.

Впервые Британию завоевал Цезарь в 55 г. до н. э., но он не оставил здесь гарнизона. В 41 г. Клавдий послал на остров 4 легиона (II Augusta, IX Hispana, XIII Gemina Martia Victrix и XX Valeria Victrix), которые разбили бриттов. Следующие 20 лет римляне вели жестокую борьбу с местными племенами. Агрикола в 78–84 гг. завершил покорение

Соловьянов Николай Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. E-mail: nikolai_solovyanov@mail.ru